

Раздел 2. Проблемы рецепции и интерпретации
в мировой литературе и культуре

УДК 821.111

doi 10.17072/2304-909X-2023-17-128-137

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ В ПОЭМЕ Э. ПАУНДА «THE CANTOS»

Людмила Викторовна Братухина

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

Loli28@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9577-6228>

Статья поступила в редакцию: 25.10.2023

В статье дается обзор упоминаний событий русских революций 1917 г., а также персоналий советских лидеров – Троцкого, Сталина, Ленина – в песнях различных циклов поэмы *The Cantos* («Набросок 16-ти песен», «Набросок песен 17-27» «Пизанские песни», «Престолю»). Обращение Э. Паунда к реалиям Советской России анализируется в контексте его своеобразной концепции мировой истории, в которой этому государству отводится роль одной из альтернатив ростовщической цивилизации Нового времени. Отмечается особая роль Ленина, чья работа, процитированная в *Santo LXXIV* и *Santo C*, оказывается созвучной размышлениям лирического героя поэмы. Делается вывод о неоднозначности образов советских лидеров, упоминаемых в поэме, и о своеобразии интерпретации советского опыта построения новой экономической системы.

Ключевые слова: Паунд, Канто XVI, Канто XXVII, Канто LXXIV, Канто C, русская революция, Ленин, Сталин.

Совершая поэтическое путешествие по историческим и культурным эпохам, предстающим в поэме «суммой конкретного опыта, приобретенного и сохраненного человеком» [Бронников 2018^b: 700], Э. Паунд создает в итоге своеобразное «мировое “дерево культуры”», вбирающее в себя немало «предшествовавших культурных инициаций» [Толмачев 2013: 117]. При этом у каждой его ветви-эпохи можно выявить определенное символическое значение, вписывающееся в общую идеограмму, создаваемую автором в каждой из песен и в поэме в целом: борьбы здоровых по-настоящему созидательных производительных сил (сельскохозяйственного и ремесленного труда, подлинного творчества, правильного республиканского режима [Белькович 2019: 426]) и

противоестественной системы финансового капитала, основанной на ростовщичестве. Древний Китай, Средневековье и Ренессанс, президентство Джона Адамса, режим Муссолини противостоят начинающейся с эпохи Реформации деградации, приводящей по мнению американского поэта, к пагубному состоянию в «политике, экономике, творчестве», когда «продажные парламенты, векселя, беспочвенная массовая культура занимают место священной империи, натурального хозяйства, трубадуров» [Толмачев 2013: 117]. В этом контексте представляется интересным проследить отсылки к истории и культуре России в тексте поэмы, а именно своеобразии паундовского понимания одного из важнейших периодов истории нашей страны – революционных событий 1917 года и становление СССР.

Отметим, что русскому (российскому) интертексту не часто уделяется внимание при анализе поэмы Э. Паунда. Необходимая для понимания текста информация о персоналиях и исторических событиях кратко представляется в комментариях [Terrel 1984, Sieburth 2003]. Анализируя отдельные песни, исследователи также зачастую дают довольно краткие пояснения. Например, Э. Истман, не углубляется в историко-культурный контекст, связанный с Россией, в рассматриваемых им фрагментах *Canto LXXIV*, ограничиваясь поиском параллелей звуковых соответствий [Eastman 2003]. В статье Т. Урбана, озаглавленной «Эзра Паунд и Катынь: русский след в “Кантос”», рассматривается только одна отсылка к историческому событию, так или иначе связанному с нашей страной. Автор статьи показывает тенденциозность Паунда при обвинении СССР в катынском расстреле: его предубеждение против Сталина и симпатии к Гитлеру¹. Ни один из исследователей не анализирует русский интертекст в соотношении с художественным целым поэмы.

Упоминания о России в той или иной форме встречаются в «*The Cantos*», начиная с первых и вплоть до завершающих циклов. Так, в заключительной песне цикла «Набросок 16-ти песен» (опубликован в 1925 г.), положившего начало поэме «*The Cantos*», изображая картину катастрофы Первой Мировой войны, автор показывает события русских революций 1917, приведших к сепаратному Брестскому миру (это нарушение союзнических обязательств Россией противопоставляется решающему объединению усилий участников Антанты, приведшему к победоносному завершению войны) [Братухина 2023].

Тема русской революции присутствует в *Canto XXVII* (завершающем второй цикл опубликованных песен – «Набросок песен 17–27», 1928). Лирический герой, рассуждая о послевоенной ситуации в Европе, замечает незавидное положение Англии² и России: «*England off there in black darkness, / Russia off there in black darkness*» [Pound 1975:

129]. Ниже в тексте перечисляются в одной строке насыщенные революционными смыслами названия: «Brumaire, Fructidor, Petrograd» [Pound 1975: 131]. Российский город трех революций (две из которых произошли именно при этом названии) оказывается в одном ряду с обозначениями знаковых событий французской революционной истории: переворотами 18 брюмера в 1799 г. и 18 фрюктидора в 1797 г., в конечном итоге приведшие к власти Наполеона Бонапарта. Учитывая отношение Паунда к императору французов как к одному из великих лидеров, выступивших против «узуры³» [Бронников 2018^b: 729–30], можно предположить высокую оценку значения русской революции в мировой истории. Однако затем в тексте появляется образ некоего Товарища (*tovarisch*): «And that tovarisch then lay in the earth / And the Xarites bent over tovarisch / These are the labours of tovarisch, / That tovarisch wrecked the house of the tyrants, / And rose, / And talked folly on folly, / And walked forth and lay in the earth» [Pound 1975: 131]. Этот образ в духе паундианского стиля «идеограмматического коллажа» [Бронников 2018^a: XXIX], сочетающего историю, современность и «сияющую реальность мифа», разворачивающегося «здесь и сейчас» [Бронников 2018^a: XXXI], оказывается связан с мифологическим сюжетом о Кадме: «Me Cadmus sowed in the earth / And with the thirtieth autumn / I return to the earth that made me / Let the five last build the wall, / I neither build nor reap / That he came with the gold ships, Cadmus, / That he fought with the wisdom, / Cadmus, of the gilded prows Nothing I build / And I reap / Nothing, with the thirtieth autumn / I sleep, I sleep not, I rot / And I build no wall» [Pound 1975: 132]. Таким образом русский товарищ-революционер превращается в одного из воинов, выросших из посеянных Кадмом зубов дракона. Причем, очевидно, он из тех, «на мгновенье рожденных братьев» (Ov. Met. III, 123, пер. С. В. Шервинского), кто был сразу же убит в буйстве «гражданских войн» (Ov. Met. III, 117, пер. С. В. Шервинского) и не вошел в число пятерых выживших, установивших мир и принявшихся за возведение города Фивы. В тексте этой песни присутствует также рассказ «о строителях собора в Ферраре» [Бронников 2018^b: 718], по поводу чего А. В. Бронников замечает: «Грандиозность и методичность труда строителей собора контрастирует с...разрушительной стихией революции» [Ibid.]. Представляется, что символическое уподобление товарища одному из кадмовых воинов, павших в междоусобной битве, само по себе противопоставляет мирный труд созидания «разрушительной стихии революции», ведь погибший, не сподобился «ни строить, ни собирать здесь жатву» [Паунд 2018: 125], к чему призваны выжившие, согласно античному мифу (Ov. Met. III, 128–130). В завершение об этом персонаже сообщается: «Baked and eaten tovarisch' / ... Baked and eaten,

товарищ, my boy, / That is your story And up again, / Up and at 'em Laid never stone upon stone» [Pound 1975: 132]. Этот «каннибальский» пассаж может быть интерпретирован как аналогия античных кровожадных отсылок Бюхнера, главный герой пьесы которого «Смерть Дантона», размышляя о революции, произносит следующие слова: «Революция, как Сатурн, пожирает собственных детей» [Бюхнер 1972: 92]. Так, образ товарища в соотношении с античным контекстом символизирует жестокость революционных потрясений, а также извращение ими естественного порядка вещей.

Интересны упоминания в поэме Паунда лидеров Советской России: Троцкого, Ленина Сталина. Первый предстает как непопулярный инициатор подписания позорного Брестского мира (Canto XVI, цикл «Набросок 16-ти песен», 1925). Ленин упоминается в циклах гораздо более позднего периода – «Пизанские песни» (1945) и «Престолы» (1956–1958 гг.), созданных в заключении в лагере американских войск в Италии и в вашингтонской психиатрической больнице, соответственно. В «Пизанских песнях» осмысление извечной, по мнению американского поэта, коллизии мировой истории – борьбы против деградации, наступающей в буржуазную эпоху – окрашивается нотами отчаяния: «The enormous tragedy of the dream in the peasant's bent / shoulders» [Pound 1975: 423]. В тексте Canto LXXIV, открывающей цикл «Пизанских песен», из уст Ленина звучит критика в адрес империалистической финансовой системы: «Never inside the country to raise the standard of living / but always abroad to increase the profits of usurers» [Pound 1975: 426]. Здесь Паунд практически точно цитирует брошюру Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) в ее части, посвященной вывозу капитала. Идея Ленина о пагубности этого явления для стран, экспортирующих капитал ради его преумножения (при этом, соответственно, не развивающих сельское хозяйство, что приводит к обнищанию народных масс), коррелирует с паундовским неприятием экономики, основанной на виртуальном приросте капитала.

Почти точная цитата из предисловия к работе «Империализм как высшая стадия капитализма» появляется в тексте Canto C из цикла «Престолы»: «Aesopian language (under censorship) / where I wrote Japan you may read Russia / And small bank accounts are now guaranteed» [Pound 1975: 713]. В «A Companion to the Cantos of Ezra Pound» это упоминание Ленина на основе последней строки комментируется как причастность его «разоблачения... метода монополистического капитализма по стимулированию повышения курса, за которым следует обесценивание денег» к созданию в США «Федеральной корпорации по страхованию вкладов» [Terrel 1984: 645]. Со своей стороны отметим, что цитата

Ленина взята из «Предисловия», датированного 1917 г., к работе, опубликованной годом ранее, еще до свержения монархии в России, именно потому автор и оговаривает использование «рабского» эзопова языка и поясняет его подтекст: «...чтобы в цензурной форме пояснить читателю, как бесстыдно лгут капиталисты и перешедшие на их сторону социал-шовинисты...по вопросу об аннексиях, как бесстыдно они прикрывают аннексии своих капиталистов, я вынужден был взять пример... Японии! Внимательный читатель легко подставит вместо Японии Россию, а вместо Кореи – Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие не великороссами заселённые области» [Ленин 1952: 8–9]. Т.е., приводя в пример Японию, как одного из участников империалистического порядка, как страну, имеющую свои притязания на аннексию, Ленин намекает на Россию. Кроме того, Ленин, рассуждая о склонности к аннексиям империалистических держав, показывает антипацифистскую сущность империализма, при котором любые союзы и мирные инициативы являются всего лишь «"передышками" между войнами», ведь «мирные союзы готовят войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики» [Ленин 1952: 206]. Можно сказать, что в *Santo С Паунд* прибегает к иносказаниям по ленинскому рецепту: развивая свою излюбленную тему борьбы с ростовщичеством как одной из движущих сил мировой истории, он обобщает целый ряд исторических фактов выражением «PERENNE BELLUM» (вечная война) [Pound 1975: 713-714] и намекает на Россию как одну из участниц ее. Ниже в тексте содержится указание на то, что политика России является одним из провоцирующих факторов Первой Мировой войны: «Peace from '70 until 1914/... '69 southern Slavs against union with Russia» [Pound 1975: 714]. К. Террел комментирует этот пассаж как отражение негативной реакции южнославянских народов на желание России через контроль их территорий получить «доступ к южным морям» [Terrel 1984: 647]. Справедливости ради следует отметить, что реакция эта была не столь однозначна и в публичном пространстве зачастую продиктована различными противоречивыми причинами⁴. Панславистские идеи объединения славян во главе с Россией, обсуждавшиеся всеми заинтересованными сторонами на протяжении десятилетий в XIX в., стали одним из жупелов в идеологической подготовке почвы для Первой Мировой войны.

Таким образом, в разные периоды создания отдельных песен «The Cantos» идеи Ленина⁵ воспринимаются как созвучные в своей

критической направленности против экономической основы и негативных проявлений империализма размышлениям лирического героя поэмы. Этого нельзя сказать о фигуре Сталина, который также упоминается в поэме. Советский лидер появляется в первой песне из цикла «Китай» (1937–1939 гг.) как один из символов неблагополучия в Европе 1930-х гг., противопоставляемого «неоконфуцианской идее соответствия правителя этическим нормам как гарантии благоденствия империи» [Бронников 2018: 731]: «Thus we lived on through sanctions, through Stalin / Litvinof, gold brokers made profit / rocked the exchange against gold» [Pound 1975: 275]. Текст этого Canto является одним из самых одиозных, в американских и немецких изданиях отдельные слова и целые стихи его, в которых автор, обвиняя евреев в ростовщичестве, позволяет себе антисемитские выпады, вымараны. К слову, упоминаемый советский нарком иностранных дел Максим Максимович Литвинов (настоящее имя Меер-Генох Валлах) по происхождению еврей. Представляющие СССР Литвинов и Сталин показаны как участники всемирного кризиса, признаками которого становятся санкции (под ними можно понимать как требования Версальского мира⁶, так и высокие импортные тарифы введенные многими странами с подачи США, кроме того запреты на экспорт определенных товаров из СССР⁷ и оплату импортировавшихся в СССР товаров золотом), рост стоимости золота (как отражение инфляционных процессов Великой депрессии) и деятельность СССР. Последний в это время в результате активных усилий Литвинова становится членом Лиги наций и инициатором «переговоров о заключении многостороннего пакта, призванного обеспечить мир и безопасность в Центральной и Восточной Европе» [Зварцев 2019: 113] и направленного против Германии, единственной страны, в которой антисемитские идеи Паунда стали государственной политикой⁸.

В упоминавшемся выше Canto LXXIV Сталин предстает угрюмым революционером (указывается его партийный псевдоним): «Corgoral Casey tells me that Stalin / Le bonhomme Staline / has no sense of humour (dear Coba'») [Pound 1975: 445]. С его образом оказывается связано представление об СССР как об одной из тупиковых альтернатив ростовщической экономике: «...but one point needed for Stalin / you need not, i. e. need not take over the means of production, /money to signify work done, inside a system / and measured and wanted» [Pound 1975: 426]. Р. Сибарс усматривает в этих строках своеобразный реверанс Паунда Сталину, которого американский поэт, несколько сглаживая один из «перекосов» марксизма, «надеялся обратить...к своим экономическим взглядам» [Sieburth 2003: 120], предполагающим такое мерило полезного труда, как «трудовой сертификат – денежный кредит, выдаваемый рабочим за

выполненную работу» [Sieburth 2003: 127]. Однако ниже, в этом же Canto LXXIV ниже Паунд рисует довольно мрачный образ Советской России, показывающий печальный финал марксистского проекта, осуществленный с указанной ошибкой: «But in Russia they bungled and did not apparently /grasp the idea of work-certificate / and started the NEP with disaster / and the immolation of men to machinery / and the canal work and gt/ mortality / (which is as may be) / and went in for dumping in order to trouble the waters / in the usurers' hell-a-dice / all of which leads to the death-cells» [Pound 1975: 441]. Несмотря на то, что здесь упоминается НЭП, инициированный правительством Ленина, негативные последствия, называемые лирическим героем, относятся, безусловно, к эпохе Сталина.

Образ Советской России в поэме «The Cantos» обретает свое значение в контексте общей концепции мировой истории Э. Паунда. В различных песнях автор обращается к событиям революционного 1917 года, значимым персоналиям революционной эпохи и эпохи раннего СССР. В целом опыт Советского государства в построении экономической системы, противостоящей буржуазной, основанной на ростовщичестве, представляется поэту ошибочным, а в конечном итоге и преступным. Негативный облик Советской России оказывается связанным с такими фигурами, как Троцкий и Сталин. Ленин же предстает как один из авторитетных критиков империализма, чьи идеи созвучны размышлениям лирического героя.

Примечания

¹ Симпатии к бесноватому фюреру были непостоянны: «Sometimes Pound praised him, sometimes he called the NS-regime “a sickly and unpleasant parody of fascism”» [Urban 2019:444]. Вероятно, это и стало причиной того, что сначала пропагандисты из ведомства Геббельса планировали пригласить Паунда в Катынь в составе группы писателей именно как активного сторонника фашизма, но затем заменили его Э. Массой, опасаясь его «неуправляемости» [Urban 2019: 445].

² Возможно, так Паунд оценивает всеобщую стачку 1926 г. – «кратковременное торжество рабочего класса и левых», осуществившееся не без влияния примера СССР [Блосфельд 2017: 148].

³ А. В. Бронников так определяет это важнейшее в поэтике поэмы Паунда понятие: «Латинское слово *usura*, которое переводится как “суда, ссудный процент”, а также – “излишек, избыток”, служит у Паунда не просто синонимом алчности. *Узура* паундовской мифологии – это нарушение порядка и естественной гармонии, которое грозит коллапсом не только искусству и культуре, но и всему миру» [Бронников 2018^a: XXXII]; «...узура, это олицетворение ростовщичества, объявлена в историософии Паунда абсолютным злом» [Бронников 2018^a: XXXIII].

⁴ Так, например, слова митрополита сербского Михаила, произнесенные им во время визита в Россию в 1869г. и, очевидно, отразившие признательность за помощь России в освобождении земель княжества Сербского от турецких гарнизонов в 1867г. – «Южные славяне всегда обращают свой взор на Россию, от которой одной они ждут сочувствия и помощи. Россия – наша надежда, наша слава, наша сила», – вызвали отповедь со стороны официальных сербских властей (находящихся тогда в подчинении Османской империи): «Говоря таким образом, Митрополит Михаил до некоторой степени поставил в затруднительное положение его правительство, поскольку они... не высказывают схожее мнение по этому чрезвычайно деликатному вопросу. Вот почему нас раздражают эти несколько очень недипломатичных слов, которые митрополит произнёс своей единоличной властью» [Поповкин 2019].

⁵ Ленин в принципе высоко оценивается Э. Паундом, находившим сходства советского лидера с Муссолини (которого превозносил за создание идеологии, способной противостоять империализму, и ее реализацию) в принятии на себя значительной «ответственности» [Round 1935: 39], ненависти к бюрократии [Round 1935: 69-70], отсутствии властолюбия [Round 1935: 99].

⁶ «Версальский договор, безусловно, носил репрессивный характер. Такие его положения, как открытая западная граница, оккупация на длительный срок германских земель на Рейне, жёсткие и всеобъемлющие военные ограничения, экономический диктат победителей, репарационные платежи, разрыв государственной территории на Востоке не только подрывали великодержавные позиции Германии, но и существенным образом ущемляли её государственный суверенитет. Входивший в противоречие с провозглашёнными победителями демократическими принципами мирного урегулирования, Версальский договор в массовом сознании немцев стал символом глубокой несправедливости и национального унижения, питавшим радикально-националистические и реваншистские настроения в обществе» [Сидоров, Клейменова 2006: 64].

⁷ В 1930 г. США, Франция, Югославия, Венгрия, Бельгия и Румыния вводят различные санкции, затрудняя торговлю с СССР, который в свою очередь предпринимает ответные меры. «Золотая блокада» против СССР введена США, Великобританией, Францией с 1925 г. [Егоров, Литвинова 2019: 119].

⁸ Преследования евреев, начавшиеся сразу после прихода Гитлера к власти, широко освещались в США, общественность которых выступала против. Так, «28 марта в “Нью-Йорк Таймс” была помещена заметка об официально объявленной национал-социалистическим партийным руководством подготовке к проведению антиеврейского бойкота как контрмеры, направленной против соответствующих антигерманских кампаний и враждебной Третьему рейху пропаганды, проводимых еврейскими концернами в США и в Англии» [Паламарчук 2014: 178].

Список литературы

Белькович Р. Ю. Эзра Паунд и республиканская традиция // Литература двух Америк. 2019. №7. С. 414–439.

Блосфельд Е. Г. Левые лейбористы и всеобщая стачка 1926 года в Великобритании // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. №6. С. 145–153.

Братухина Л. В. Русский интертекст в поэме Паунда «The Cantos» (изображение русской революции в *Canto XVI*) // *Мировая литература в контексте культуры*. 2023. №16 (22). С. 70–78.

Бронников А. В. Эзра Паунд и его «Кантос» // *Эзра Паунд Кантос / пер., вступ. ст и комм. А. В. Бронникова*. СПб.: Наука, 2018^a. С. I–LX.

Бронников А. В. Комментарии к тексту // *Эзра Паунд Кантос / пер., вступ. ст и комм. А. В. Бронникова*. СПб.: Наука, 2018^b. С. 702–775.

Бюхнер Г. Пьесы. Проза. Письма / пер. с нем. под ред. А. Карельского. М.: Искусство, 1972. 384 с.

Егоров В., Литвинова Н. Санкции в отечественно-историческом процессе // *Постсоветский материк*. 2019. №3 (23). С. 117–135.

Зварцев И. А. Позиция народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова по вопросам коллективной безопасности сквозь призму сближения с Францией // *Вестник науки*. 2019. №6 (15). С. 113–120.

Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. М.: Государственное издательство политической литературы. 1952. 231 с.

Паламарчук Е. А. Антиеврейская политика в нацистской Германии в освещении "Нью-Йорк Таймс" за 1933 год // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2014. №4 (31). С. 176–186.

Паунд Э. Кантос / пер. А. В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018. 881 с.

Поповкин А. Паломничество Митрополита Сербского Михаила (Йовановича) в Россию в 1869 году // *Русская народная линия*. 2019. URL: https://ruskline.ru/analitika/2019/11/26/palomnichestvo_mitropolit_a_serbskogo_mihaila_iovanovicha_v_rossiyu_v_1869_godu (дата обращения: 10.09.2023)

Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918-1939 гг. М.: Центрполиграф. 2006. 640 с.

Толмачев В. М. Эзра Паунд // *История литературы США*. Т. VI, книга 2. Литература между двумя мировыми войнами. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 78–125.

Eastman A. The epic of voice: history and orality in *The Cantos* // *Ezra Pound and Referentiality*. 2003. №5. URL: <https://journals.openedition.org/sillagescritiques/2114> (дата обращения: 02.07.2023).

Pound E. Jefferson and/or Mussolini. New York: Liveright, 1935. 132 p.

Pound E. The Cantos of Ezra Pound. London: Faber and Faber. 1975. 802 p.

Sieburth R. Notes // *Ezra Pound The Pisan Cantos*. New York: A New Directions Book. 2003. P.119–159.

Terrel F. C. A Companion to the Cantos of Ezra Pound by Carroll F. Terrell. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press. 1984. 791 p.

Urban T. Ezra Pound and Katyn: Russian Trace in *The Cantos* // *Литература двух Америк*. 2019. №7. С. 440–451.

SOVIET RUSSIA IN *THE CANTOS* BY E. POUND

Ludmila V. Bratukhina

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature
Perm State University,

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15

Loli28@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9577-6228>

Submitted 25.10.2023

The article provides the overview of the references to the events of the Russian revolutions of 1917, as well as the personalities of Soviet leaders – Trotsky, Stalin, Lenin – in the cantos of various cycles of the poem *The Cantos* ("A Draft of 16 Cantos", "A Draft of the Cantos 17-27", "The Pisan Cantos", "Thrones"). E. Pound's appeal to the realities of Soviet Russia is analyzed in the context of his peculiar concept of world history, in which this state is assigned the role of one of the alternatives to the usurious civilization of Modern times. The special role of Lenin is noted, whose work, quoted in Canto LXXIV and Canto C, turns out to be consonant with the reflections of the lyrical hero of the poem. The conclusion is made about the ambiguity of the images of Soviet leaders mentioned in the poem, and about the uniqueness of the interpretation of the Soviet experience of building a new economic system.

Key words: Pound, Canto XVI, Canto XXVII, Canto LXXIV, Canto C, Russian Revolution, Lenin, Stalin.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Братухина Л.В. Советская Россия в поэме Э. Паунда «The Cantos» // Мировая литература в контексте культуры. 2023. № 17 (23). С. 128–137. doi 10.17072/2304-909X-2023-17-128-137

Please cite this article in English as:

Bratukhina L.V. Sovetskaya Rossiya v poeme E. Paunda «The Cantos» [Soviet Russia in *The Cantos* by E. Pound]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2023, issue 17 (23), pp. 128–137. doi 10.17072/2304-909X-2023-17-128-137